

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Куренной, М. Румянцева</i>	
ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ ГЕРМАНА ЛЮББЕ.....	VII
ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ	8
ВВЕДЕНИЕ.....	9
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПО ТЕОРИИ ВРЕМЕНИ.....	31
1. ТРУДНОСТИ С ПАМЯТЬЮ.	
ОБ ОТНОШЕНИИ К ПРОШЛОМУ В ХОДЕ ПРОГРЕССА.....	41
1.1. НАСТОЯЩЕЕ МЕРТВЫХ. ИСТОРИЗИРОВАННОЕ КЛАДБИЩЕ И АНОНИМНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ.....	43
1.2. ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ, ИЛИ ПАРАДОКСЫ СТРЕМЛЕНИЯ СТАРОЕ ВНОВЬ СДЕЛАТЬ СТАРЫМ	58
1.3. ИСТОРИЗИРОВАННЫЙ МОДЕРН ИЛИ ПОСТМОДЕРН.....	77
1.4. ЭКСКУРС В ОБЛАСТЬ АРХИТЕКТУРНОГО ВОССОЗДАНИЯ.....	88
2. АВАНГАРД, ИЛИ КАК ПРОТИВ ВОЛИ ДЕЛАЮТ ПРОШЛОЕ	
ВСЕ БОЛЕЕ ИНТЕРЕСНЫМ	91
2.1. ПАРАДОКС АВАНГАРДА: ПРОШЛОЕ ПРИБЛИЖАЕТСЯ К СОВРЕМЕННОСТИ	93
2.2. ВЗАИМОДОПОЛНЯЮЩИЕ КОМПОНЕНТЫ АВАНГАРДА: ЭКЛЕКТИКА И КЛАССИКА	107
3. АВАНГАРД И УПРАВЛЕНИЕ	
ПОЛИТИЧЕСКИМ СМЫСЛОМ ИСТОРИИ	117
3.1. АВАНГАРДИСТСКОЕ ИСКУССТВО И ТОТАЛИТАРНОЕ ГОСПОДСТВО	119
3.2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ АВАНГАРДИЗМ, ИЛИ ПРОГРЕСС И ТЕРРОР	135
4. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА	
И ФОРМИРОВАНИЕ АРХИВНОЙ ТРАДИЦИИ.....	151
4.1. БЮРОКРАТИЯ И РОСТ КОЛИЧЕСТВА РЕЛИКТОВ	153
4.2. АРХИВНЫЙ ОТБОР ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ	164
4.3. ПРЕЦЕПТИЯ, ИЛИ СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ БУДУЩЕЙ РЕЦЕПЦИИ ПРОШЛОГО	185
4.4. БИБЛИОТЕКИ-КНИГОХРАНИЛИЩА, ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗДЕЛЕНИЯ АКТУАЛЬНОЙ И УСТАРЕВШЕЙ ИНФОРМАЦИИ	204

5. ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ	219
5.1. НАУЧНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДИНАМИЗИРОВАННОЙ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ	221
5.2. СГУЩЕНИЕ ИННОВАЦИЙ В ХОДЕ ЭВОЛЮЦИИ ТЕХНИКИ	240
6. ЭКСКУРСЫ	255
6.1. ЭКСКУРС I. КУЛЬТУРНО-РЕВОЛЮЦИОННОЕ УСКОРЕНИЕ. КАЗАТЬСЯ ИЛИ БЫТЬ?	257
6.2. ЭКСКУРС II. СПОР О КОМПЕНСАТОРНОЙ ФУНКЦИИ НАУК О ДУХЕ	267
7. ИМПЕРАТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ	287
7.1. ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ТЕХНИКОЙ ИМПЕРАТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ	289
7.2. ВРЕМЯ КАК СРЕДСТВО КООРДИНАЦИИ ДЕЙСТВИЙ. СОЦИАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ	298
8. ВЫИГРЫШИ ВО ВРЕМЕНИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ	311
8.1. ВРЕМЯ КАК СВОБОДА	313
8.2. КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЛЕДСТВИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СВОБОДЫ РАСПОРЯЖЕНИЯ ВРЕМЕНЕМ ..	326
9. ВРЕМЯ ПЕРЕЖИВАЕМОЕ И ВРЕМЯ ИЗМЕРЯЕМОЕ	341
9.1. СУБЪЕКТИВНОЕ И ОБЪЕКТИВНОЕ ВРЕМЯ	343
9.2. ВРЕМЯ КУЛЬТУРЫ И ВРЕМЯ ПРИРОДЫ	363
ПОСЛЕСЛОВИЕ	379
I. СОКРАЩЕНИЕ НАСТОЯЩЕГО. НОВОЕ ПОНЯТИЕ ВЫЗЫВАЕТ ИНТЕРЕС	381
II. ВЫИГРЫШИ ВО ВРЕМЕНИ И АКТУАЛЬНОСТЬ МОРАЛИСТИКИ ВРЕМЕНИ	387
III. ИЗДЕРЖКИ ВРЕМЕНИ КАК СМЫСЛОВАЯ ГРАНИЦА ИННОВАЦИЙ	396
IV. РАСЦВЕТ НАУК О ДУХЕ И БУДУЩЕЕ ВОСПОМИНАНИЯ	406
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	416
ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	424

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ ГЕРМАНА ЛЮББЕ

Виталий Куренной Мария Румянцева

Предложенное вниманию читателя издание представляет собой первый перевод на русский язык книги немецкого философа Германа Люbbe (1926 г. р.)¹. Люbbe принадлежит к числу наиболее значительных современных немецких мыслителей, оказавших глубокое влияние не только на интеллектуальный и философский, но также политический и культурный ландшафт Германии, начиная с 60-х годов XX века.

Его творческий путь не только необычайно продолжителен, но и столь же необычайно продуктивен: работы Люbbe посвящены самому широкому спектру тематических вопросов — от политики и морали до истории философии². Даже краткий обзор многообразия этой интеллектуальной деятельности вышел бы далеко за рамки небольшой вводной статьи, поэтому мы остановимся лишь на основных аспектах его творчества, позволяющих составить представление о некоторых сквозных особенностях его философской позиции, а также на тех узловых моментах, которые позволяют понять его положение в историческом пространстве современной немецкой интеллектуальной и политической культуры.

ФИЛОСОФ «СКЕПТИЧЕСКОГО ПОКОЛЕНИЯ»

Герман Люbbe родился 31 декабря 1926 г. в Аурихе (Нижняя Саксония). Не достигнув 17 лет, в 1943 г. он был призван на морскую военную службу. В Германии таких молодых людей называют поколением «помощников зенитчиков» (Flakhelfer) — по сути, дети-солдаты. После пребывания в советском плену в 1946 г. он изучал философию, теологию и социологию в университетах Гётtingена, Мюнстера и Фрайбурга в Брейсгау, где в 1951 г. защитился у Вильгельма Сцилази.

После защиты докторской диссертации, посвященной проблематике «вещи самой по себе» у Канта, работал ассистентом Герхарда Крюгера во Франкфурте-на-Майне, а также в университете Эрлангена и Кёльна. Во время работы во Франкфурте посещал семинары Теодора Адорно и Макса Хоркхаймера. В 1957 г.

¹ До этого на русском языке были представлены отдельные разрозненные переводы статей Люbbe (основные из них будут указаны ниже). Особо следует отметить в этом ряду перевод работы «В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем» (Вопросы философии. 1994. № 4), выполненный Николаем Плотниковым. Этот небольшой текст представляет собой подготовленное самим Германом Люbbe краткое изложение некоторых основных положений настоящей книги.

² Герман Люbbe опубликовал более 30 монографий. К числу важнейших из них исследователи, в частности Марк Шведа, относят «Понятие истории и исторический интерес. Аналитика и прагматика истории» (1977), «Религия после Просвещения: О необходимости практического разума» (1986), а также представленную здесь работу «В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем» (первое издание — 1992).

защитил в Эрлангене у Герхарда Крюгера габилитационную работу «Трансцендентальная философия и проблема истории. Исследование генезиса философии истории (Кант, Фихте, Шеллинг)».

Преподавал — сначала как приват-доцент, позднее — в качестве профессора — в университетах Эрлангена, Гамбурга, Кёльна и Мюнстера. В 1963 г. становится ординарным профессором в новом Рурском университете (Бохум), в 1969 г. — в Бieleфельде. С 1971 г. до своего выхода на пенсию в 1991 г. занимает позицию профессора философии и политической теории в Университете Цюриха (причиной переезда из Германии в Швейцарию стали угрозы его семьи со стороны левых радикалов). Помимо этого он в 1966–1970 гг. работал на различных постах в правительстве Земли Северный Рейн-Вестфалия. Герман Люббе является членом различных научных обществ в Германии и за ее пределами, был удостоен множества наград и премий, в частности, является лауреатом премии Эрнста Роберта Курциуса по эссеистике (1990) и премии Ганса-Мартина Шлейера (1994).

Герман Люббе принадлежит к специальному послевоенному поколению немецких мыслителей. Пережитый опыт краха Третьего рейха, который для молодого человека являлся герметически замкнутым миром, основанным на нацистской идеологии, позволяет отнести Люббе к той социальной группе, которую Гельмут Шельски в своей знаменитой одноименной работе определил как «скептическое поколение» (согласно Шельски, «помощники зенитчиков» составляли как раз ее ядро)³. В числе характерных черт этого поколения, пережившего фундаментальный опыт социальной неопределенности, — скептический отказ от любого рода идеологий, ориентация на функциональный pragmatism. В отличие от молодежных движений, возникших после Первой мировой войны и в эпоху Веймарской республики, представители «скептического поколения» не были настроены враждебно к требованиям общества модерна и индустриального общества. И хотя сам Люббе далеко не во всем согласен с теми характеристиками, который Шельски дал «скептическому поколению»⁴, в его работах нетрудно обнаружить некоторые из них. Это, прежде всего, критическое отношение к любого рода «высоким идеологиям», к числу которых Люббе относит не только национал-социализм, но и разного рода «интернационал-социалистические» идеологии. Их все — несмотря на существенные различия — объединяет, по мнению Люббе, отказ от здравого смысла (*common sense*) и пре-небрежение конвенциональной моралью, подмена ее особым — причем очень сильным и бескомпромиссным — политическим морализмом⁵. Одо Марквард

³ Schelsky H. Die skeptische Generation. Eine Soziologie der deutschen Jugend. Düsseldorf; Köln, 1957.

⁴ См., в частности, его ироничное замечание по этому поводу: Люббе Г. Карл Шмитт в восприятии либералов // Логос. 2012. № 5 (89). С. 145–146.

⁵ Анализ и критика политического морализма, служащего самолегитимации тоталитарных идеологий, представлены, в частности, в работе: Lübbe H. Politischer Moralismus: Der Triumph der Gesinnung über die Urteilskraft. Berlin: Siedler, 1987. Основной тезис Люббе заключается в том, что тоталитарные режимы отнюдь не сводятся к «инструментальному разуму» (М. Хоркхаймер) или «банальности зла» как нейтральной карьерной исполнительности (Х. Арендт), но основаны на энергичной

(1928–2015) — ближайший философский единомышленник Люbbe — разделяет данный тезис и по тем же причинам делает одним из центральных пунктов своей философской позиции апологию скептицизма.

ШКОЛА ИОАХИМА РИТТЕРА

Герман Люbbe и Одо Марквард здесь объединены не случайно — несмотря на различие философских стилей и тематики своих работ, именно они являются одними из наиболее заметных последователей философии Иоахима Риттера (1904–1974), известного в международном контексте прежде всего как инициатор издания и первый редактор «Исторического словаря философии» — наиболее обширного и значимого современного немецкого словаря по философии, развивавшего историко-аналитический подход в русле истории понятий⁶ — наряду с несколько более скромным по масштабу проектом «Словаря основных исторических понятий» Райнхарта Козеллека. В настоящее время как идеи Риттера, так и отдельные аспекты творчества так называемой школы Риттера становятся предметом основательных исторических исследований, раскрывающих масштаб их влияния на идейный и политический ландшафт послевоенной ФРГ⁷. Из последних подобных работ прежде всего необходимо назвать книгу Йенса Хаке «Философия буржуазности. Либерально-консервативное обоснование Федеративной Республики», а также работы Марка Шведа «Раздвоение

моральной аргументации: «Морализирующие аргументы играют в тоталитарных системах несравненно большую роль, чем в либеральных» (*Lübbe H. Op. cit. S. 7*).

⁶ «Historisches Wörterbuch der Philosophie» был выпущен в 13 томах в период 1971–2007 гг.

⁷ Емкий анализ, в котором позиция Риттера и его последователей определена в рамках идеино-политических дискуссий относительно легитимации послевоенного политического порядка ФРГ, представлен в работе: *Hacke J. Die Bundesrepublik als Idee. Zur Legitimationsbedürftigkeit politischer Ordnung*. Hamburger Edition, 2009. Среди обзорных работ, посвященных различным аспектам школы Риттера, см. также: *Diese U. Joachim Ritter und seine Schüler* // Hügli A., Lübeck P. (Hrsg.). *Philosophie im 20. Jahrhundert*. Bd. 1: *Phänomenologie, Hermeneutik, Existenzphilosophie und kritische Theorie*. Reinbek, 1992. S. 237–278; *Lohmann G. Neokonservative Antworten auf moderne Sinnverlusterfahrungen. Über Odo Marquard, Hermann Lübbe und Robert Spaemann* // Faber R. (Hrsg.). *Konservatismus in Geschichte und Gegenwart*. Würzburg, 1991. S. 183–201; *Roth F. Philosophie für die junge Bundesrepublik. Manuskript zu einem Volkshochschul-Vortrag*. München, 2005 <<http://www.florian-roth.com/texte/pdfs/Ritter-Schule.pdf>>.

⁸ *Hacke J. Philosophie der Bürgerlichkeit. Die liberal-konservative Begründung der Bundesrepublik*. Göttingen, 2008. Для перевода понятия «Bürgerlichkeit» мы используем вариант «буржуазность» (в основном под влиянием работ Одо Маркварда, автора обзора «Philosophie der Bürgerlichkeit», посвятившего теме буржуазности множество своих блестящих афористических текстов), но при этом, разумеется, необходимо иметь в виду весь спектр возможных смыслов понятия «бюргер» — гражданин, мещанин, житель города. Что касается урбанистического аспекта «философии буржуазности» Риттера, то здесь необходимо указать на его емкое эссе «Большой город» (*Ritter J. Die große Stadt* (1960) // *Ritter J. Metaphysik und Politik. Studien zu Aristoteles und Hegel / Erweiterte Neuausgabe mit einem Nachwort von O. Marquard*. Suhrkamp, 2003. S. 341–354). Герман Люbbe отграничил смысл этого понятия от настойчивых марксистских коннотаций с классом «буржуазии» следующим образом: «Буржуа мертв, бюргер жив» («Der Bourgeois ist tot, der Bürger lebt»), см.: *Hermann Lübbe im Gespräch*. München, 2010. S. 38.

и компенсация. Философская теория мира модерна Иоахима Риттера» и «Иоахим Риттер и школа Риттера: Введение»⁹.

Иоахим Риттер организовал в Мюнстере, где с 1948 г. до своего выхода на пенсию в 1968 г. он занимал позицию ординарного профессора, постоянный семинар — Collegium Philosophicum. Расцвет Коллегиума приходится на 1955–1965 гг., однако семинар существовал с 1947 г. и фактически вплоть до кончины Риттера. В число его участников, если отметить только наиболее известных из них, входили: Эрнст-Вольфганг Бёкенфёрде, Бернард Вильмс, Калфрид Грюндер, Ульрих Дирзе, Ханс Йорг Зандкюлер, Юрген Зайферт, Мартин Криле, Герман Люббе, Одо Марквард, Райнхарт Маээр, Вилли Ольмюллер, Людгер Онинг-Ханхоф, Гюнтер Рормозер, Эрнст Тугенхат, Роберт Шпеман, Райннер Шпехт, Рудольф Фирхаус.

Наименование «школа Риттера» по отношению к участникам Collegium Philosophicum можно, впрочем, употреблять лишь с известной долей историко-философской условности: как отмечает Юрген Зайферт, это понятие было введено *post factum*, тогда как фактическую суть этого явления точнее передает выражение «форум свободных мыслителей»¹⁰. «Иногда приходилось слышать, — отмечает Флориан Рот, — что этот круг никогда не представлял собой школы, объединенной единым учением, а само название “школа Риттера” он получил от своих противников. И в самом деле, Риттер не придавал никакого знания следованию или единству в том, что касалось философской или политической позиции. Однако с годами многие ученики Риттера все более настойчиво обращались к фундаментальным убеждениям своего учителя и, соответственно, стремились дать им новое, более глубокое обоснование»¹¹. Одо Марквард следующим образом пояснял то обстоятельство, что школа Риттера образовалась не сразу, а, так сказать, задним числом. Для Риттера, подчеркивал он, опыт был необходимым условием философии: «Не имея опыта, человек не может иметь, в действительности, никакой философии, так как философия есть ответ на такой опыт. Но опыт требует времени. Поэтому ученики Риттера сблизились в своих содержательных тезисах не во время обучения, а спустя десятилетия — только после того, как они приобрели собственный опыт, который с тех пор сделал для них убедительными те философские ответы, которые предлагал Риттер. Консолидация школы Риттера — это долгосрочный процесс»¹².

Хотя Коллегиум не имел никакого выраженного доктринального единства, в нем все же присутствовал некоторый общий набор установок. По словам того же Зайфера, Риттер запрещал только две интеллектуальные фигуры — «разоблачение» и редукцию в форме «не что иное, как». Благодаря этому в Коллегиуме

⁹ Schweda M. Entzweiung und Kompensation. Joachim Ritters philosophische Theorie der modernen Welt. Freiburg; München, 2013; Schweda M. Joachim Ritter und die Ritter-Schule zur Einführung. Hamburg: Junius, 2015.

¹⁰ Seifert J. Joachim Ritters “Collegium Philosophicum”. Ein Forum offenen Denkens // Faber R., Holste C. (Hrsg.). Zur Soziologie moderner Intellektuellenassoziation. Kreise; Gruppen; Bünde. Würzburg, 2000. S. 189–199.

¹¹ Roth F. Op. cit. S. 7–8.

¹² Marquard O. Positivierte Entzweiung. Joachim Ritters Philosophie der bürgerlichen Welt // Ritter J. Metaphysik und Politik... S. 456.

обсуждались работы авторов, принадлежащих к самым разным интеллектуальным и политическим направлениям: Шпеман реферировал «Естественное право и историю» Лео Штрауса, Люббе делал доклад по книге Вильгельма Шаппа «Впутавшиеся в историю»¹³ и критиковал «Теорию современной эпохи» Ханса Фрайера, Марквард, который в то время симпатизировал Франкфуртской школе, рассказывал об «Эросе и цивилизации» Герberта Маркузе. «При этом широкие связи Риттера с другими влиятельными интеллектуалами того времени, такими как Гельмут Шельски, Карл Шмитт, Ханс Фрайер и Арнольд Гелен, а также его толерантность, позволявшая ученикам мастера двигаться собственным путем, подчеркивали открытость кружка, что иногда приводило к напряжению внутри него»¹⁴. В итоге в интеллектуальной атмосфере Collegium Philosophicum сформировалась неоднородная — в том числе и в плане политических ориентаций — плеяда академических и общественных деятелей. Как показывает Марк Шведа, бывшие участники Collegium Philosophicum придерживались как правых (Гюнтер Рормозер, Бернард Вильмс), так и левых (Юрген Зайферт, Ханс Йорг Зандкюлер) убеждений. С этой точки зрения позицию Германа Люббе, Одо Маркварда, Эрнста-Вольфганга Бё肯фёрде и, с некоторыми оговорками, Мартина Криле и Роберта Шпемана можно охарактеризовать как «умеренную» или «центристскую». Исходной точкой как «правых» и «левых», так и «умеренных» авторов были базовые концепты, введенные Риттером, прежде всего его понятия «раздвоение» (*Entzweigung*) и «компенсация». При этом, в отличие от «правых» и «левых» мыслителей, критиковавших основные теоретические положения Риттера, названные «умеренные» авторы скорее принимали и развивали данные базовые концептуальные положения, — несмотря на существенное их переосмысление и уточнение¹⁵. С точки зрения исторического анализа рецепции стоит отметить — применительно как к Риттеру, так и к его последователям, — что мы наблюдаем здесь специфический для современной истории философии разрыв между реальной общественной значимостью определенного интеллектуального течения и ее медийной, а отчасти и специализированно-научной презентацией в виде

¹³ Вильгельм Шапп формально считается первым учеником Гуссерля: в 1909 г. он защитил у него в Гётtingене диссертацию «Феноменология восприятия». В дальнейшем Шапп, однако, избрал юридическую карьеру. Указанная книга вышла в 1956 г. (*Shapp W. In Geschichten verstrickt. Zum Sein von Ding und Mensch. Hamburg*). Начиная со второго издания, эта работа Шаппа выходит с предисловием Германа Люббе. Философия «историй» (значимым здесь является акцент на множественном числе) представляет собой самостоятельный — весьма отличный от работ позднего Гуссерля — вариант исторической феноменологии, на который опирается в своих работах Герман Люббе. Для Люббе рассказывание историй представляет собой ключевой способ определения собственной идентичности, а также является конstitutивным моментом для нашего переживания прошлого. (Наст. изд., с. 186 и далее, с. 348.)

¹⁴ Hacke J. Philosophie der Bürgerlichkeit. S. 40–41. Некоторые из этих мыслителей выступали на Collegium Philosophicum, в частности, Карл Шмитт. Об обстоятельствах этого посещения, а также о либеральной рецепции Шмитта в кругу Иоахима Риттера см.: Люббе Г. Карл Шмитт в восприятии либералов. С. 143–157.

¹⁵ Исключением здесь является Роберт Шпеман, критиковавший теорию компенсации, предложенную Риттером и позже развитую и уточненную в работах Германа Люббе и Одо Маркварда.

расхожего историко-философского канона. Указанные выше работы Й. Хаке, У. Дирзе, М. Шведа, равно как и прямое знакомство с биографией, сферами активности и научными проектами Риттера и его последователей показывают, что данное философское течение оказalo глубокое влияние не только на философский дискурс послевоенной ФРГ, но и на ее образовательную и культурную политику, правовую систему. Пожалуй, можно сказать, что ни одно западное философское течение в период после Второй мировой войны не имело столь значительного прямого влияния на реальный политический и институциональный процесс своей страны, как школа Иоахима Риттера в ФРГ, выступившая на сцену общественных дискуссий в 1960-х годах — вслед за послевоенным поколением управленцев-технократов. Достаточно упомянуть некоторые эпизоды истории этого институционального влияния. В период реформы высшей школы ФРГ в 1960-х годах множество участников *Collegium Philosophicum* получили профессорские позиции — в том числе благодаря влиянию и покровительству самого Риттера, непосредственно вовлеченному в процесс реформ (наряду с Гельмутом Шельски, также преподававшем в Мюнстере с 1960 г.). Особая роль Риттера в этом процессе реформы высшего образования в послевоенной ФРГ связана с его докладом 1961 г. «Задачи наук о духе в обществе модерна», который сыграл важную роль в процессе обоснования необходимости широкого присутствия гуманитарно-исторических наук в реформируемой университетской системе¹⁶. Герман Люббе и Рудольф Фирхаус входили в учредительные комитеты и сенаты новых университетов в Бохуме и Бielefeldе. С 1966 г. Люббе занимал пост заместителя министра культуры по вопросам высшей школы и церкви, а с 1969 по 1970 г. — пост заместителя премьер-министра Земли Северный Рейн-Вестфалия¹⁷. В 1975–1978 гг. Люббе становится президентом Немецкого философского общества, Одо Марквард занимает эту должность в период с 1985 по 1987 г. Наибольшего политического влияния эта группа достигла в 1980-х годах. Несмотря на то что Люббе долгое время пребывал в рядах Социально-демократической партии Германии, в это время он действует в качестве сподвижника лидеров Христианско-демократического союза, выполняя функции советника правительства Лотара Шпета в Земле Баден-Вюртемберг, заметное влияние его идей прослеживается также в речах Гельмута Коля¹⁸.

¹⁶ Доклад был переработан в статью: *Ritter J. Die Aufgabe der Geisteswissenschaften in der modernen Gesellschaft* (1963) // *Ritter J. Metaphysik und Politik...* S. 377–406. Об истории развития этой аргументации Риттера в работах Люббе и Маркварда, а также ответ Люббе на основные возражения против нее см. подраздел 6.2 наст. изд. (Экскурс II. Спор о компенсаторной функции наук о духе).

¹⁷ Снял с себя полномочия из-за несогласия с левым характером программы образовательной политики своих однопартийцев из СДПГ (*Der Spiegel. Hermann Lübbe.* 28.08.1978 <<http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-40606731.html>>).

¹⁸ В этот период в работах некоторых философов, представляющих иные линии философского и политического спектра, дело доходит едва ли не до демонизации влияния Люббе на тогдашних лидеров ХДС. Так, представитель дискурсивной теории и дискурсивной этики Дитрих Бёлер усматривал в Германии 1980-х годов расцвет политического децизионаизма: «Люббе его пропагандирует, а Коль, Драггер и Циммерман его реализуют в смягченной для вида форме» (*Böhler D. Die deutsche Zerstörung des politisch-ethischen Universalismus. Über die Gefahr des — heute (post-)...*

Другим важным полем деятельности выходцев из круга Риттера было право: Эрнст-Вольфганг Бёкенфёрд занимал пост судьи Конституционного Федерального суда Германии (1983–1996), Мартин Криле — судьи Конституционного суда Земли Северный Рейн-Вестфалия (1976–1988), Юрген Зайферт время от времени выступал советником Герхарда Шрёдера в правительстве Нижней Саксонии¹⁹. Резюмируя эту тему применительно к Герману Люббе, процитируем Ханса-Грегора Ниссинга: «Люббе принадлежит к тем мыслителям, доклады и сочинения которых существенно повлияли не только на академическую философию, но и на политическую и общественную жизнь в ФРГ»²⁰.

РЕЦЕПЦИЯ В РОССИИ

Указанное выше несоответствие фактической общественной значимости и медийной известности, отражающейся в том числе в системе интеллектуальных «звезд», обладающих международным признанием, обнаруживается особенно наглядно, если обратить внимание на диспропорцию представленных на русском языке философов Франкфуртской школы и школы Риттера. Франкфуртцы представлены здесь во всем своем многообразии иполноте (существуют переводы и работы о Теодоре Адорно, Вальтере Беньямине, Герберте Маркузе, Эрихе Фромме, Юргене Хабермасе, Максе Хоркхаймере — если говорить только об основных представителях), тогда как Иоахим Риттер вообще не представлен на русском языке, а его основные последователи — весьма фрагментарно²¹.

В постсоветский период в России реализовалась также широкомасштабная рецепция радикального «правого» крыла немецкой философско-политической мысли — Мартина Хайдеггера, Карла Шmitta, Эрнста Юнгера и др. Примечательно, что единственный автор, связанный со школой Риттера, в том числе в силу своей исторической причастности к Collegium Philosophicum, который представлен на русском языке в виде не только разрозненных статей, но и монографий, — это решительно культур-критически настроенный консерватор Гюнтер Рормозер²². Причины и мотивы столь избирательной рецепции заслуживают отдельного рассмотрения. Единственное, что можно сказать вполне определенно: постсоветская рецепция немецкой философско-политической

modernen — Relativismus und Dezisionismus // Zerstörung des moralischen Selbstbewußtseins: Chance oder Gefährdung? — Praktische Philosophie in Deutschland nach dem Nationalsozialismus / Herausgegeben vom Forum für Philosophie Bad Homburg. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988. S. 170 (цит. по: Hacke J. Op. cit. S. 178)).

¹⁹ Hacke J. Op. cit. S. 44.

²⁰ Nissing H.G. Hermann Lübbe — Pragmatische Vernunft nach der Aufklärung. Zur Einleitung // Nissing H.G. (Hrsg.). Pragmatische Vernunft nach der Aufklärung. Stuttgart: Fink & Bümiller, 2001. S. 7.

²¹ Первый перевод Люббе на русский язык вышел в сборнике по философии техники и остался незамеченным в потоке литературы, хлынувшей на российский рынок, начиная с эпохи перестройки (Люббе Х. Технические и социальные изменения как проблема ориентации // Философия техники в ФРГ. М.: Прогресс, 1989. С. 162–171).

²² Рормозер Г. Кризис либерализма. М.: Изд-во Ин-та философии РАН, 1996. Ср. также: Рормозер Г., Френкин А. Новый консерватизм. Вызов для России. М.: Изд-во Ин-та философии РАН, 1996.

мысли причудливым образом выбрала крайности, но обошла здравомыслящую философию либерально-консервативной «середины», сформулированную Риттером и его последователями²³. В настоящей работе Германа Люbbe читатель обнаружит, что для ее автора как правый, так и левый радикализм в области культур-критики (а проблематика данной работы ограничивается данной сферой) в равной степени являются постоянными оппонентами, а именно — в силу своего отрицания и неприятия цивилизации и культуры модерна. Такого рода отрицание объединяет — несмотря на различие перспектив и оснований — основоположников художественного авангарда и Фридриха Ницше, Хайдеггера и Адорно, современную левую и церковную культур-критику. В политической плоскости эту линию продолжает, например, соседство Карла Шmitta и Юргена Хабермаса, представляющих собой, согласно Люbbe, «лишь взаимодополнительные формы политического романтизма»²⁴.

Это не случайно, поскольку Герман Люbbe принадлежит к упомянутой традиции практической философии «середины», избегающей радикальных крайностей и восходящей к Аристотелю. Традиция аристотелизма в послевоенной Германии получила новый импульс в интерпретации²⁵, принадлежавшей Иоахиму Риттеру, образуя — наряду с его эпохальной для послевоенного либерального консерватизма интерпретацией Гегеля, ядро практической философии как самого Риттера, так и его «умеренных» последователей: «Герменевтика исторического мира Риттера связывает аристотелевское предположение о разумности существующего с гегелевским доверием к разуму, уравновешивающему опасности, которые несет с собой свобода»²⁶, — так охарактеризовал это сочетание Хенning Оттман.

ТЕОРИЯ МОДЕРНА: РАЗДВОЕНИЕ И КОМПЕНСАЦИЯ

Комментируя критические замечания Герберта Шнедельбаха в адрес компенсаторной теории исторических наук о культуре в представленной здесь книге, Герман Люbbe отмечает, что его полемическая задача состояла, видимо, в том, чтобы сохранить «противопоставление консервативной, так сказать, тра-

²³ В порядке примера такой утвердившейся оптики: *Михайловский А. Германия // Куренной В. (ред.). История и теория интеллигенции и интеллектуалов. М.: Наследие Евразии, 2009. С. 116–158.* Представленный в этой работе обзорный анализ рассматривает послевоенную интеллектуально-политическую дискуссию как располагающуюся между полюсом левых интеллектуалов и загнанных в различные формы «эзотерической коммуникации» (Указ. соч. С. 151) «старых» правых и консерваторов (К. Шmitt, М. Хайдеггер и др.).

²⁴ *Люbbe Г. Карл Шmitt в восприятии либералов. С. 152.*

²⁵ К числу основных работ Риттера — фактически небольших статей — об Аристотеле относятся следующие: «Учение о происхождении и смысле теории у Аристотеля» (1953); «Аристотель и досократики» (1954); «Гражданская жизнь. О теории счастья Аристотеля» (1965); ««Политика» и «этика» в практической философии Аристотеля» (1963); ««Естественное право» у Аристотеля» (1963). Все они представлены в сборнике: *Ritter J. Studien zu Aristoteles und Hegel. S. 9–182.*

²⁶ *Ottmann H. Joachim Ritter // Nida-Rümelin J. (Hrsg.). Philosophie der Gegenwart in Einzeldarstellungen. Von Adorno bis von Wright. Stuttgart, 1991. S. 507.*

диционной теории, с одной стороны, и критической — с другой». «В противоположность этому, — замечает Люббе, — компенсаторная теория исторических наук о культуре как раз выявляет реликтовый характер этого средства интерпретации»²⁷. Дискуссия о компенсаторной теории, рассмотренная в настоящей работе Люббе в аспекте роли наук о духе, в действительности затрагивает фундаментальный момент, который, несмотря на различные интерпретации как понятия «компенсация»²⁸, так и компенсаторной теории в целом, во многих отношениях объединяет позиции Риттера, Маркварда и самого Люббе. Дело в том, что понятие «компенсация» затрагивает важнейший момент исторической и теоретической интерпретации общества модерна, первоначально изложенной Риттером в его работе «Гегель и французская революция»²⁹. Основная заслуга этой работы — формулировка комплексной теории общества модерна, обладающей весьма широким эвристическим и практическим потенциалом³⁰. Объяснительные возможности этой теории позволяют не только прояснить основные структурные особенности общества модерна, но и раскрыть причины и механизмы формирования основного спектра теорий и позиций, направленных против общества и культуры модерна, которые могут располагаться как в политической плоскости «правые — левые», так и в плоскости взаимоотношений «личность — общество», распространяясь и на более специальные области, в частности, в контексте упомянутой дискуссии между Шнедельбахом и Люббе, на дилемму «традиционистский консерватизм — критика». Выступая как противоположные, разные полюса этой критики единодушны, однако, в том, что равным образом отрицают общество модерна, стремясь ликвидировать его *раздвоенный* характер, что, по мнению Люббе, в случае успешной и последовательной реализации этого отрицания приводит не к его предполагаемому улучшению, а к ликвидации его принципиальных оснований. В политическом плане эта интерпретация позволила Риттеру и его ученикам сформулировать идеино-политическую позицию, защищавшую либерально-демократический строй ФРГ, основанный на действенности права и разделении властей, от попыток поставить ее под сомнение и лишить легитимности как со стороны правых, так и — что было более актуально в рамках послевоенной истории республики — со стороны левых критиков (прежде всего — представителей Франкфуртской школы). Одо Марквард выразил суть позиции, первоначально сформулированной Риттером, следующим образом: «Противоположностью правому тоталитаризму является не левый тоталитаризм».

²⁷ Наст. изд., с. 280.

²⁸ Понятие «компенсация» в рамках данной традиции не сводится к ее психоаналитической трактовке. О генезисе понятия см., например: Marquard O. Kompensation // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. 4. S. 912–918.

²⁹ Ritter J. Hegel und die französische Revolution (1956) // Ritter J. Metaphysik und Politik... S. 183–233.

³⁰ С точки зрения ее эпистемологического статуса теорию модерна школы Риттера уместно назвать исторической герменевтикой современности, она не является набором произвольно утверждаемых гипотетических тезисов, но основана на аналитической экспликации значимых структурных моментов модерновой культуры и общества.

ризм, а либеральная демократия. Позицией, противостоящей отрицанию буржуазности, является не другое отрижение буржуазности, а отрижение этого отрицания буржуазности, а именно — представленная философией Риттера — философия мужества к буржуазности»³¹. Но потенциал теории модерна школы Риттера далеко не ограничивается политической проблематикой. С известной долей условности, к которой побуждает схематизм, игнорирующий множество важнейших нюансов, можно сказать, что она также в целом структурирует ту модель объяснения и понимания современного общества, которая позволяет Люббе уверенно обращаться к анализу множества самых различных аспектов культуры и цивилизации общества модерна, изложенных в работе «В ногу со временем». Кратко поясним специфическое понимание особенностей общества модерна в его первоначальном виде, сформулированном Риттером.

Амбивалентная структура общества модерна, согласно Риттеру, была выявлена Гегелем, определившим ее с помощью понятий «раздвоение» (*Entzweiung*) и «различие» (*«Differenz»*)³², которые, в том числе, маркируют принципиальную «дисконтинуальность» общества модерна по отношению к предшествующим историческим периодам. Структура «раздвоения» имеет множество аспектов, однако они сходятся в том, что во всех случаях речь идет о специфическом разрыве между историческим «происхождением» (*Herkunft*) общества модерна и его настоящим и будущим (*Zukunft*). Речь идет, в первую очередь, о раздвоении в области права как сферы реализации всеобщей свободы индивида: универсальность права, осуществленного в рамках модернового государства и его институтов, действует здесь независимо от исторического «происхождения» индивида: «Значение человека в том, что он человек, а не в том, что он еврей, католик, протестант, немец, итальянец и т.д.»³³. Осуществление универсальной свободы в праве снимает, таким образом, все социально-сословные, национальные, религиозные и др. специфические исторически обусловленные особенности происхождения индивида. Второй сферой «раздвоения» является гражданское общество, где индивид теперь выступает как независимый от истории своего происхождения носитель экономических интересов. Гражданское общество Гегель, основываясь на работах современных ему британских экономистов, понимает как сферу, где индивиды свободно руководствуются лишь собственными потребностями, удовлетворить которые они могут посредством участия в экономической системе, основанной на разделении труда³⁴. При этом не только индивид получает свободу в отношении своих потребностей, но и семья, утрачивающая свое значение как всеобъемлющая экономическая единица, становится общностью, «в которой человек может жить сам по себе в своей

³¹ Marquard O. Positivierte Entzweiung. S. 456.

³² Термины, регулярно встречающиеся в работах Гегеля. Поскольку, однако, ключевой для интерпретации Риттера является «Философия права», то наиболее часто цитируемые Риттером контексты отсылают именно к ней, а именно: к § 184, § 182 (Прибавление), § 33. Синонимом понятия «раздвоение» в определенных случаях можно считать также понятие «отчуждение» в понимании Маркса, ср.: Roth F. Op. cit. S. 5.

³³ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 246 (§ 209).

³⁴ Там же. § 188.

субъективности, связанный со своими близкими личным отношением любви»³⁵. Наконец, и здесь берет начало длительная дискуссия, к которой — подводя ей итог — «метакритически» обращается в настоящей работе Люббе, речь идет о раздвоении, связанном с современной наукой, техникой и научно-техническим прогрессом, в основе которых лежит идея о практическом овладении природой, а тем самым и об освобождении человека от господства довлеющих над ним природных условий. Теология и философия, понимаемая как метафизика, утрачивают здесь всякое значение, а наука становится «позитивной наукой» в том смысле, какой придал ей Огюст Конт, значение и функции которой никак не связаны с ее историческим «происхождением». Однако, формулирует свой главный тезис Риттер, в обществе и культуре модерна существует и обратная тенденция, уравновешивающая эту неисторичность. Для ее определения Риттер как раз и вводит второе ключевое понятие своей теории общества модерна — понятие компенсации: «На этой конститутивной и неустранимой для общества модерна абстрактности и неисторичности основывается принадлежность к нему наук о духе. Они развиваются на его почве, так как обществу необходимым образом требуется орган, который компенсирует его неисторичность, сохранив открытый и актуальный для него тот исторический и духовный мир, который это общество должно оставлять вне себя»³⁶. Здесь Риттер обращает внимание прежде всего на гуманитарные науки («науки о духе») и их необходимую функциональную роль в культуре модерна, обосновывая тем самым необходимость их присутствия в структуре современного университета³⁷. При этом в статье дан также ряд точных замечаний, открывающих более широкий горизонт понимания динамики современной культуры, а именно той ее характеристики, которую Люббе в настоящей работе определяет как «историзм» и «историческое сознание», уникальным образом характеризующее культуру модерна. Согласно Риттеру, «историческое чувство», которым наделена культура модерна, «фундаментально и сущностно» отличает его от того, «каким образом народы в континуальности своей исторической жизни действуют в отношении своего прошлого». Этот тезис он поясняет весьма выразительно: «Когда боги умерли и вера, вдохновляющая их почитание, исчезла, тогда храмы, которые им принадлежали, утратили свою достопримечательную красоту и превратились просто в камни и стены. Другой исторический мир мог использовать их лишь как вещь, в которой не обитает больше никакой дух»³⁸. Последний тезис можно проиллюстрировать на актуальном материале текущих событий, связан-

³⁵ Ritter J. Subjektivität und industrielle Gesellschaft. Zu Hegels Theorie der Subjektivität (1961) // Ritter J. Metaphysik und Politik... S. 374.

³⁶ Ritter J. Die Aufgabe der Geisteswissenschaften in der modernen Gesellschaft (1963) // Ibid. S. 399.

³⁷ Тем самым Риттер смог легитимировать положение историко-культурного и историко-философского знания в структуре университета, предложив для него перспективу, отличную от весьма пессимистического вывода Гельмута Шельски о превращении современного университета исключительно в «современное предприятие», утратившее образовательно-гуманитарную функцию (см. Шельски Г. Уединение и свобода. К социальной идее немецкого университета // Логос. 2013. № 1 (91). С. 65–86).

³⁸ Ritter J. Die Aufgabe der Geisteswissenschaften... S. 395–396.

ных, например, с действиями религиозных фундаменталистов по отношению к историческим памятникам в Афганистане, Ираке и Сирии, которые весьма наглядно показывают, что означает ликвидация раздвоенности культуры модерна и возвращение ей традиционной целостности, лишенной историзма как необходимой сущностной черты этой культуры. Хотя в последнем случае речь идет о демонстративном отрицании цивилизации модерна (которая давно уже не является «европейской», но присутствует повсюду, где обнаруживается описанная выше структура), но аналогичные следствия имеют — что показывает драматическая история как Германии, так и России XX в. — и другие попытки упразднить ее амбивалентную сложность, выраженную в структуре раздвоения, и привести ее к целостному, гомогенному и, как поначалу кажется, свободному или справедливому порядку.

Теория модерна, сформулированная в школе Риттера, первоначально широко использовалась его основными последователями в рамках политической дискуссии — для осмыслиения и легитимации политического строя ФРГ, в частности, как замечает Люббе в своем сборнике интервью, против «попыток новых левых поставить под сомнение политическую и моральную легитимность западногерманского государства, основываясь на реконструированной марксистской традиции». «Все это, — продолжает он, — принадлежит, впрочем, далекому прошлому. Вместе с крахом реально существующего социализма и теми последствиями, которые оно имело для мировой политики, угасла, сократившись до маргинальных остатков, и старая немецкая склонность к тому, чтобы не пребывать в мире с самим собой. Нормальное состояние, которое сейчас установилось в Германии, отмечено в основном тем грузом проблем, которые *mutatis mutandis* вообще связаны с эволюцией современной цивилизации»³⁹. Без преувеличения можно сказать, что теория модерна школы Риттера вышла из длительных идеологически-политических схваток как философия победителей, а политическая проблематика в работах Люббе последнего периода сместилась к широкому спектру проблем философии культуры, проблемам современной глобальной цивилизации (в частности, возрождению роли религии), различным аспектам европейской политики⁴⁰. Стоит также обратить внимание, что исследования и размышления, изложенные в настоящей книге, пронизаны и фундированы чрезвычайно обширной историей дискуссий, которые Люббе вел на протяжении всей своей жизни. В самой работе они могут быть не артикулированы, но внимательный читатель, безусловно, распознает серьезные скрытые полемические мотивы, которые стоят за отдельными тезисами работы. В частности, следы полемического отношения к коммуникативной

³⁹ Hermann Lübbe im Gespräch. S. 9. Несмотря на то что полемика с «новыми левыми» утратила свою первоочередную актуальность, отметим, тем не менее, что в силу «центрристского» характера аргументы Люббе и Маркварда вполне могли бы сыграть роль в критике так называемых «новых правых», на сегодняшний день представляющих широко обсуждаемую проблему в Германии.

⁴⁰ На русском языке см.: Люббе Г. Право оставаться иным. К философии регионализма // Политическая философия в Германии. М.: Современные тетради, 2005. С. 53–69; Люббе Г. Что такое народ? Новая актуальность права на самоопределение // Политическая философия в Германии. С. 102–109.

теории (прежде всего — Юргена Хабермаса, но также и Карла-Отто Апеля⁴¹) можно найти в анализе научного коммуникативного сообщества⁴², а критику «философии публичности» Хабермаса — в ремарках относительно выведения в сферу публичности вопросов, которые должны решаться экспертами и специалистами⁴³. Важный и, в известной мере, преемственный для консервативной и скептически-технократической немецкой традиции⁴⁴, сквозной момент настоящей работы Люbbe — решительное, а иногда — снисходительно-ироническое неприятие претензий ангажированных интеллектуалов и «критических критиков» на привилегированную точку зрения⁴⁵. Данную работу также отличают такие характерные для Германа Люbbe установки, как философия «здравого смысла» (*common sense*), противопоставленная, среди прочего, любым формам «идеализма», понятого как слепое следование идеалам, пренебрегающим традиционной моралью и обыденным рассудком; аффирмативное отношение к действительности модерна; «апология» буржуазных жизненных миров; внимание и интерес к региональной и локальной культурной жизни немецкого общества — что само по себе маркирует фундаментальную трансформацию проблематики в контексте немецкой философской традиции.

СТРУКТУРНАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Работа «В ногу со временем» наиболее полным, хотя и не исчерпывающим образом представляет один из аспектов интеллектуального творчества Германа Люbbe, а именно то его направление, которое можно назвать философией культуры цивилизации модерна. Выражаясь точнее и в соответствии с немецкой традицией, ее, впрочем, следовало бы назвать культур-философией — по той же причине, по которой сегодня ряд современных направлений анализа культуры именуют себя культур-социологией⁴⁶. Причина заключается в том, что анализ культуры не осуществляется здесь, исходя из некоторой предзап-

⁴¹ См., в частности: Апель К.-О. Коммуникативное сообщество как трансцендентальная предпосылка социальных наук // Апель К.-О. Трансформация философии. М.: Логос, 2001. С. 193–236.

⁴² Наст. изд., с. 231 и далее.

⁴³ Наст. изд., с. 401 и далее. О критической позиции Люbbe, Маркварда и Шпемана по отношению к коммуникативной теории дискурса см. Hacke J. Philosophie der Bürgerlichkeit. S. 194–204.

⁴⁴ Ср., например: Филиппов А. Арнольд Гелен и Гельмут Шельски // Куренной В. (ред.). История и теория интеллигентии и интеллектуалов. М.: Наследие Евразии, 2009. С. 274–313.

⁴⁵ Ср.: «Верно, что интеллектуальные школы (*Denkschulen*) сегодня быстро устаревают. Тот, кому не удается выбраться из реликтовой позиции, на которую он обречен как интеллектуал, уже больше не понимает мир, так что ему, для того чтобы сделать современность отвечающей его свежей критико-теоретической ориентации, не остается ничего другого, как в каждом не предусмотренном в его собственной концепции новшестве предполагать ренессанс старого зла». (Наст. изд., с. 285.)

⁴⁶ Эта понятийная трансформация достигла теперь и англоязычного мира и была популяризована, в частности, Джоном Александером. Ср.: Александр Д. Смысли социальной жизни: Культурсоциология. М.: Практис, 2013.

данной философской системы, а исходными являются смысловые структуры современной культуры, реализующиеся в различных практиках — как повседневных, так и специализированных.

Теория модерна Риттера, что показывает в своей развернутой историко-герменевтической работе Марк Шведа, была весьма тесно связана с метафизической подоплекой интерпретаций Риттера, разворачивающейся в пространстве западной мысли, начиная с Аристотеля. У Люббе этот метафизический фон фактически полностью исчезает⁴⁷, уступая место развернутой структурно-аналитической дескрипции культуры модерна, воздерживающейся не только от обширных обобщений в духе философии истории, но и от оценочного отношения к динамическим тенденциям культуры модерна. Применительно к последнему аспекту Люббе поясняет свою позицию следующим образом: «Описываются функциональные взаимосвязи, тогда как причины, которые, вообще говоря, хотелось бы иметь, для того чтобы морально и эмоционально сочувствовать или не сочувствовать модерновой цивилизации, не являются темой данной книги»⁴⁸.

⁴⁷ «Место философско-исторического истолкования модернового раздвоения, разворачивающегося на фоне метафизической традиции западноевропейской философии, — замечает М. Шведа в отношении Люббе, — у него в итоге занимает дескриптивная культур-философия современной цивилизации, существенно определяемой ускорением изменений. Перенос теоремы компенсации Риттера из одного теоретического контекста в другой имеет глубокие последствия для ее философского содержания. Для Риттера формирование исторического чувства было связано, преимущественно, с теоретической актуализацией исторических взаимосвязей реальности, которым больше не уделяется внимания в модерновом “неисторическом” обществе. Для Люббе, напротив, вся историческая культура модерна служит, в первую очередь, “компенсации утраты привычности, обусловленной темпом изменений”, настоятельная потребность в которой возникает вследствие увеличившейся динамики развития цивилизации. Она нацелена, таким образом, в первую очередь не на объективное установление исторических фактов, но в ходе социальной трансформации берет на себя функцию “стабилизации нашего сознания посредством переживания познания известного”» (*Schweda M. Entzweiung und Kompensations...* S. 398).

⁴⁸ Наст. изд. С. 12. Подобное «воздержание от оценок» (Макс Вебер) само по себе можно понимать как следствие консервативной философской позиции, которая «оставляет все так, как оно есть» (Людвиг Витгенштейн, «Философские исследования», § 124). Отношение Люббе к цивилизации модерна равно дистанцировано как от наивных теорий «модернизации», оптимистически понимающих модерн как цивилизацию прогрессирующего развития в направлении лучшего будущего, так, например, и от пессимизма Арнольда Гелена (с антропологией и теорией институтов которого представителей школы Риттера связывает множество нитей), который усматривал в культуре модерна, прежде всего, факторы, способствующие разрушению антропологически необходимых институтов (см.: Руткевич А.М. Теория институтов Арнольда Гелена // История философии. М., 2000. № 5. С. 35–71). Повторяющаяся метафора, заимствованная из современного искусства, которую Люббе использует для пояснения ускоряющейся цивилизации модерна, имеет, тем не менее, ярко выраженный драматический характер: это скульптура «экспоненциальной лестницы», «начало которой уютно и привлекательно, затем высота ступеней резко возрастает в ущерб их ширине, и тот, кто продолжал бы дальнейшее движение по ней, быстро достиг бы такой точки, после которой следует падение вниз». (Наст. изд., с. 30, с. 378.)

Методология анализа, используемая в философии культуры Люббе, не получает в книге «В ногу со временем» развернутого обоснования, предполагая, скорее, верификацию силами способности суждения ее читателя. Сам он мимоходом характеризует ее как «феноменологию эволюционной динамики нашей современной культуры»⁴⁹. «Вклад Люббе и Маркварда в культур-философию прогресса является, — поясняет Йенс Хаке, — дескриптивно-феноменологическим: они обнаруживают феномены компенсации в нашей современности и историческом прошлом, чтобы — позитивно — утвердить их необходимость или — критически — снять маску с тех механизмов, которые “компенсируют реальность” в идеино-политической сфере»⁵⁰. Момент, который здесь подмечен, на наш взгляд, совершенно верно, состоит в том, что философию культуры Германа Люббе можно определить как серьезное обновление феноменологической философии, дистанцирующейся от методологии имманентного анализа сознания в духе Эдмунда Гуссерля и, с опорой на некоторые моменты реалистической феноменологии (прежде всего — Вильгельма Шаппа), обращющейся к сущностному анализу и аналитической экспликации смысловых структур значительных сегментов как нашей повседневности, так и некоторых специфических — научных, музейных и т.д. — практик историзированной культуры модерна. Данная адаптация у Люббе включает несколько архитектонических моментов. Прежде всего — отказ от области «чистого сознания» как исключительного медиума феноменологического анализа. Для Люббе таковым медиумом становится сфера повседневных жизненных миров и некоторых специальных практик (архивное дело, библиотеки, обращение с научной информацией), анализ которых хотя и не дает беспредпосыльного априорного знания, однако имеет другие преимущества, связанные с опорой на объективные и бесспорные элементы жизненного мира (вроде роста численности музеев, памятников архитектуры, садовых товариществ или распространения органайзеров и календарей) и богатую сферу исторического прошлого. Феноменологическая методология «варьирования в фантазии» замещается здесь вниманием к историческим и современным деталям жизненного мира, способным обогатить анализ конкретными моментами, недоступными для рефлексивной «философии письменного стола».

На этой методологической основе изменяется, усложняется и обогащается структура концептуальных инструментов анализа, которые использует Люббе применительно к различным сферам современной культуры — искусству авангарда, практике памятников сохранения культуры, архивному делу, проблемам, связанным с возросшей динамикой роста научной информации, различным областям нашей повседневности и т.д. В статье «Опыты времени. Семь понятий для описания цивилизационной динамики модерна»⁵¹, опубликованной после выхода первого издания книги «В ногу со временем», Люббе резюмировал основные дескриптивно-аналитические характеристики современного

⁴⁹ Наст. изд., с. 263.

⁵⁰ Hacke J. Philosophie der Bürgerlichkeit. S. 73.

⁵¹ Lübbe H. Zeit-Erfahrungen. Sieben Begriffe zur Beschreibung moderner Zivilisationsdynamik. Akademie der Wissenschaften und der Literatur zu Mainz. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Jahrgang 1996. Nr. 5. Stuttgart, 1996.

общества перечнем из семи понятий (понимаемых как схемы «когнитивного различения и соединения»). Приведем их краткую характеристику.

- *Прецепция*: предвосхищающее представление современников о том, что будет интересовать будущие поколения в их собственной истории, определяющее соответствующие практики этого предвосхищения, например, в архивном деле.
- *Сокращение настоящего*: сжимание периода постоянства жизненных условий.
- *Экспансия будущего*: комплементарно к сокращению настоящего будущее в хронологическом отношении наступает все быстрее, но является все менее предсказуемым. Вследствие этого, в частности, в обществе модерна приобретают столь важное значение такие вторичные добродетели, как пунктуальность и умение обращаться со временем.
- *Рост множества реликтов*: возрастание числа тех элементов культурных, социальных или природных систем, которые в силу эволюционных изменений потеряли свои первоначальные функции. Культурно значимой формой обращения с реликтами цивилизации является их музеефикация, что выражается в росте числа музеев, расширении практик охраны памятников и т.д.
- *Эволюционная илламинарность*: понятие, полемически направленное против представления об историческом процессе как одностороннем движении вперед, не учитывающего, что вместе с динамикой цивилизации модерна увеличивается и ее разнонаправленность. Именно поэтому «каждая динамическая цивилизация является в то же время консервативной цивилизацией».
- *Сетевая концентрация* (или «уплотнение сетей» — «Netzverdichtung»): увеличивающаяся социальная и экономическая взаимозависимость отдельных индивидов, институтов и регионов, начиная от транспортных сетей и заканчивая сетями коммуникации. В культурном отношении концентрация сетей ведет к культурной экстерриториальной гомогенизации в плане доступа к товарам и информации. Компенсаторно к этому возникает стремление к консервации и актуализации специфических особенностей локальных элементов.
- *Эмпирическая апокалиптика*: современные формы ожидания конца света, основанные на эмпирических данных (ожидаемые последствия ядерной войны, климатических изменений и т.д.). Эти научно-функционируемые формы ожидания не являются, тем не менее, прогнозами: в динамически развивающейся цивилизации спрогнозировать будущее все труднее, вследствие этого эмпирическая апокалиптика остается сомнительным предприятием.

Содержание некоторых из перечисленных понятий подробно и исчерпывающим образом раскрыто в книге «В ногу со временем», тогда как другие едва или почти не затронуты на сколько-нибудь значительном материале. Впрочем, модели структурного анализа, используемые Германом Люббе, достаточно консистентны для того, чтобы их можно было транспонировать на области культуры, которые почти не затронуты в настоящей работе или же — в точном соответствии с тезисом Люббе об ускорении культурной динамики и «сокращении настоящего» — успели сформироваться после ее появления. Так, рассмотренные Люббе на примере традиционных архивов парадоксальные проблемы, с которыми сталкивалась культура сохранения памяти о настоящем

с целью передачи ее будущим поколениям, не исчезают, как может показаться на первый взгляд, вместе со снятием ограничений на физический объем сохраняемой оцифрованной информации, но, трансформируясь, воспроизводятся как структурные сложности поиска и ориентации в стремительно растущем объеме информации, устаревания средств доступа к ней и т.д., а всякий, кто пережил поломку жесткого диска своего компьютера, с которого не была снята заблаговременная копия, поймет, какие существенные риски имеет новая цифровая эпоха с точки зрения личного или семейного архива.

О НАСТОЯЩЕМ ИЗДАНИИ

Недостаточная известность работ Германа Люббе за пределами немецкого контекста не в последнюю очередь связана с тем, что он является чрезвычайно сложным автором, язык которого весьма далек от обычного понятийного строя философских и гуманистико-теоретических работ. Его отличает, во-первых, специфическая усложненность и тяжеловесность синтаксиса, выстроенного как ироничная игра, где энергичность формулировок сосредоточена с тавтологичностью философского дискурса, с одной стороны, и тяжеловесностью немецкого канцеляриста — с другой. Во-вторых, его работы далеки от понятийной лексики философского трактата в силу дотошного погружения в детали различных жизненных миров, всевозможных повседневных и специализированных (например, инженерных) практик. Переориентация философии на локальные детали, подробности жизненных миров и те сферы деятельности, которые давно являются уделом профессионалов (будь то архивы или библиотеки), проявляется здесь непосредственно на уровне языка и создает особые сложности для перевода в силу, в том числе, их неполной межкультурной соизмеримости. В-третьих, трансформация философской проблематики заставляет Люббе вводить целый спектр новообразованных аналитических понятий, далеких от школьного философского языка — достаточно обратиться к предметно-тематическому указателю этой книги, чтобы оценить эту инновативность, например, в части понятий, связанных со временем. Наконец, работы Люббе насыщены — не всегда артикулированно — терминологией, заимствованной из самых разных философских традиций — феноменологии, аналитической философии языка и др., что предъявляет к переводу особые требования с точки зрения компетентного владения всем спектром современных философских традиций. Можно, пожалуй, сказать, что работы Люббе сами по себе выражают еще один аспект «раздвоения» современной культуры, где, с одной стороны, формируется глобальная, делокализованная гуманистическая культура, представленная в международных реферируемых журналах и в международной кампусной гуманистической науке, которая, с другой стороны, дополняется сосредоточенным проникновением в прогрессирующую сложности и детали локальной и национальной культуры. И если первая отличается глобальной известностью и узнаваемостью, то вторая — непосредственным влиянием и участием в локальных социокультурных процессах.

Сложности перевода начинаются уже с названия настоящей работы. Для перевода используемого в нем выражения «*Im Zug der Zeit*» Николай Плот-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru